

ГЛАЗАМИ КРЕСТЬЯН*

С конца 80-х годов прошлого века в России резко, скачком возрос интерес к личности П.А. Столыпина и названной его именем аграрной реформе. Ставятся памятники, издаются книги, публикуются самые разные по жанру материалы в СМИ. В прошлом году в крае громко отмечено столетие заезда Столыпина в село Славгородское: проведены юбилейные празднования, научные конференции, произнесены речи политиков, высказались журналисты. В этом году о Столыпине говорят уже в общероссийском формате: исполняется сто лет со дня его гибели. Весной следующего года предстоит 150-летие его рождения, и информационный бум, конечно, продолжится.

Во всем этом шуме проступают две позиции: одни называют Столыпина не иначе как самым великим государственным деятелем России, умелым реформатором, пламенным патриотом; другие утверждают, что реформы его потерпели очевидную неудачу и что он даже явился «отцом русской революции».

При такой информационной разногласии стоит еще раз подумать, как столетней давности аграрные преобразования сказались на социально-экономическом и политическом развитии России в целом и нашего Алтайского региона в особенности, на благосостоянии их населения, прежде всего основной в то время его части - трудящегося крестьянства. Стоит также задуматься, кем и с какой целью вот уже два с лишним десятилетия в сознание электората, читателей и слушателей насаждается представление о Столыпине и его реформе как о факторе, определившем «дальнейшее развитие России на многие годы вперед». А чтобы все это понять, необходимо еще раз внимательно посмотреть, что происходило в российской деревне в начале прошлого века, а затем сопоставить с тем, что произошло там в советское время и происходит сегодня.

Аграрную матушку-Россию в европейской ее части в начале прошедшего века представляли около 30 тысяч крупных землевладельцев и 10,5 миллиона мелких землепользователей - крестьянских семей. У крупных землевладельцев находилось в собственности около 70 миллионов десятин пашни и сенокосов (так называемой удобной земли). Две трети их являлись помещиками-дворянами, каждый из которых имел в среднем по 2 тысячи десятин. В этих поместьях хозяйство велось, в основном, еще по барщинной системе. Остальные землевладельцы - вышедшие из разбогатевших крестьян и мещан «чумазные лендлорды» - хозяйничали на пятистах в среднем десятинах каждый с применением наемной рабочей силы. А на 10,5 миллиона крестьянских дворов, объединенных в общины, приходилось 75 миллионов десятин, в среднем чуть больше 7 десятин на семью.

Первопричиной, вызвавшей аграрную реформу 1906 г., явились революционные выступления обедневшей безземельной и беднеющей малоземельной крестьянской массы, пик которых пришелся на время вхождения Столыпина в высший эшелон российской власти. Для верхушечных классов царской империи тогда стало жизненно важным безотлагательно осадить, успокоить этот порыв. Это - ближайшая, срочная цель реформы. Были и дальние цели. Первая: создать на селе слой зажиточных, «крепких» крестьян как надежную опору самодержавия. Не затрагивая при этом

* Публикуется в порядке обсуждения.

интересы землевладельцев-дворян. Вторая: сделать более эффективными и доходными крестьянские хозяйства, чтобы смягчить участвовавшие в России голодные годы и увеличить за счет подоходного налога с крестьян денежные поступления в государственную казну (а на Алтае - и в пользу императорского ведомства).

Для достижения этих целей столыпинское правительство сочло необходимым разрушить крестьянские общины, а имеющиеся у них в пользовании земли передать в частную собственность крестьян (за плату, конечно). Предполагалось при этом, что какая-то часть «сколотивших» первоначальный капитал «крепких и сильных» хозяев купит в собственность земли у обедневшего большинства. А оставшиеся без земли «слабые и пьяные» (это - по терминологии П.А. Столыпина) пойдут в батраки. Далее специально созданному поземельному банку поручалось купить сбываемую некоторыми помещиками землю и - с выгодой уже для банка - перепродать мелкими участками крестьянским хозяйствам (то есть и эти участки превратить в частную собственность). Наконец, часть крестьян из малоземельных губерний «внутренней» России планировалось переселить за Урал, отдалив таким образом от центра империи и рассеяв взрывоопасный материал - страдающую от малоземелья бедноту. Усматривались также легализация аренды земли, механизация земледелия, кооперирование крестьянских хозяйств и другие меры.

Политические силы несколько придемократизированной к тому времени России отнеслись к реформе по-разному. Партии, выражавшие интересы самодержавия, помещиков и крепнущей буржуазии, выступили в поддержку реформы. Некоторые марксисты-меньшевики - также за реформу, полагая, что она ускорит переход страны от феодализма к следующей формации - капитализму. Эсеры - против: они - за национализацию земли и уравнильное ее распределение. Социал-демократы-большевики также выступили против реформы. По их мнению, естественный прирост крестьянского населения при неизменном земельном фонде обусловит дальнейшее обезземеливание и обнищание крестьянской бедноты. Предполагаемая реформой медленная трансформация помещичьих имений в помещичье-кулацкие латифундии только усугубит этот процесс. Поэтому они считали, что на этапе буржуазно-демократической революции, на достигнутом к тому времени уровне развития средств производства в интересах российской деревни и страны в целом надо безотложно национализировать помещичьи земли и развивать на них фермерские хозяйства. Такой путь называли американским: в 1862 г. в США был принят закон, предоставлявший каждому американскому гражданину право на получение участка земли, который со временем переходил в его собственность.

Как осуществлялась реформа, в какой мере достигнуты были конечные ее цели? В ответе на эти вопросы и кроется оценка и деятельности П.А. Столыпина, и значимости для крестьян его реформы. И здесь важно посмотреть на все происходящее в первые полтора десятилетия XX века не только под углом зрения политиков и историков того далекого прошлого. Не только быстрым взором нынешних «западников» или «почвенников», «евразийцев» или «англоязычных». И даже не только с позиций нынешних владельцев капитала и СМИ. Важно посмотреть на то прошлое глазами трудового крестьянства. Ведь история страны, региона, деревни - это, прежде всего, история живущих в них людей. А населяли тогда Россию и наш Алтай на 85 и более процентов именно они, труженики-крестьяне. То есть та часть населения, что жила в сельской местности и занималась преимущественно сельским хозяйством. Без эксплуатации чужого труда. Под это определение подпадала огромная часть населения, проживавшая в деревнях и селах страны и после освобождения от крепостной зависимости, и в годы нэпа советской уже эпохи, и колхозники, составившие в годы социалистического развития класс колхозного крестьянства. Сегодня под этим же определением понимается сузившаяся до пятой доли часть жителей деревни, живущих еще сельским хозяйством.

Сначала посмотрим и подумаем, что значила столыпинская аграрная реформа для крестьян нашего региона. Чем она обернулась для крестьян-старожилов, что стали селиться в нашей лесостепи уже с начала XVIII века, для переселенцев первой волны (1865-1905 гг.) и для столыпинских новоселов (1906-1914 гг.).

Чтобы найти верные ответы на поставленные вопросы, надо обязательно помнить о важнейшей особенности Алтайского округа. Он тогда занимал территорию в 400 тысяч квадратных километров, в 2,4 раза больше, чем нынешний Алтайский край. В отличие от остальных регионов России, в том числе и сибирских, земли округа и все сущее на них и в них издавна являлось собственностью российского императора. Чтобы за счет налогов с крестьян и неоплачиваемой их работы, за счет эксплуатации рабочих людей и недр в кассе императора, как пояснялось, «всегда наличные деньги быть могли». Земли Алтая, леса и недра находились в управлении царского ведомства - «Кабинета Его Императорского Величества». Отсюда название - кабинетские земли. В Алтайском округе таковых было свыше 41 миллиона десятин. Часть их, пригодная под пашни, сенокосы и выпаса, еще задолго до Столыпина находилась в ведении (не в собственности!) старожильческих общин, а внутри их - в пользовании крестьян (опять же не в собственности), за немалые налоги, конечно. Другая часть земель еще с 1830 г. стала передаваться царем в распоряжение правительства («казны»), на выгодных для собственника условиях. Эти-то земли, по установленным в 1906 г. правилам, и отводились под переселенческие участки. Здесь новоселы получали земельные наделы (норма - на каждую мужскую душу не более 15 десятин удобной земли, меньше - можно), создавали новые поселки и облагались в дальнейшем всеми установленными для местного населения налогами и повинностями. Остальная территория Алтайского округа (крупные лесные массивы, заливные луга, пахотнопригодные площади) оставалась собственностью царя «без всяких сервитутов» и сдавалась Кабинетом в аренду предпринимателям типа Винокурова, Платонова, местным кулакам, капиталистам-лесозаготовителям, золотодобытчикам. К 1917 г. эти, то есть кабинетские, земли занимали в округе 16 миллионов десятин. Это, во-первых. Во-вторых, надо обязательно помнить, что две трети прибывавших в округ переселенцев «водворялись» в старожильческие селения. И лишь одна их треть селилась в заново образующихся поселках, на не освоенных еще землях, преимущественно в западной, степной его стороне.

Так вот, в силу названных выше особенностей Алтайского округа, почти все предусмотренные столыпинской реформой меры оказались для него неприменимыми. Смотрите: распространение закона о выходе крестьян из общин на Сибирь, а значит и на Алтай, было заблокировано крестьянскими депутатами Государственной думы. Земли Алтайского округа оставались незыблемой собственностью императора и поэтому не могли быть пущены в распродажу. Помещиков на Алтае не было, значит и деятельность банков по купле-продаже их земель также исключалась. Такие меры, как механизация полевых работ, легализация аренды земли, агрономическая помощь, кооперирование имели, конечно, значение. Однако в их осуществление на Алтае реформа ничего нового практически не вносила. Таким образом, для крестьян Алтая главным и чуть ли не единственным проявлением столыпинской реформы стало возобновление прерванного событиями 1904-1905 гг. притока крестьян-переселенцев из европейской части России.

Известно, что до 60-х годов XIX в. переселение на равнинный Алтай проходило или нелегально, или принудительно, и исчислялось лишь сотнями человек в год. После отмены закрепощения местных крестьян за кабинетскими заводами в 1865 г. последовало разрешение водворять на землях округа крестьян из «внутренних» губерний. Поток переселенцев на Алтай стал исчисляться уже десятками тысяч. С 1861 по 1897 год население Алтайского округа умножилось с 432 тысяч человек до 1326 тысяч, в три раза. Сначала большинство их расселялось в малолюдных местностях предгорной части округа. С конца же XIX в. переселенческий поток хлынул и в старожильческие волости. Здесь новоселов, как правило, причисляли к местным обществам за плату по 20-30 рублей за мужскую душу, выделяли им надел земли, облагали всеми государственными и местными налогами и повинностями.

На первых порах переселенцев в старожильческих селениях принимали охотно. Зажиточным крестьянам их прибытие обеспечивало более низкую цену найма батраков. Но вскоре выявилось земельное «утеснение». Если в 60-х годах XIX в. на каж-

дую мужскую душу здесь приходилось до 60 и более десятин удобной земли, в 1897 г. - по 27 десятин, то к началу столыпинской реформы в Тальменской волости, например, надел уменьшился до 14,8 десятины, в соседней с ней Боровлянской - до 15,5. А в некоторых общинах и того меньше. Пригодной же под пашню земли в этом наделе иногда бывало меньше половины. Для поддержания плодородия почвы тогда применялась только переложная система земледелия. Это когда полоса пашни 3-5 лет вспахивается и засеивается, а потом 10-15 лет «отдыхает», то есть запускается в залежь. В итоге такого расклада под собственно посевные площади крестьянского двора оставалось иногда 3-5 десятин. Семье из 5-6 едоков, державшей 4-5 голов скота намолотого с этой пашни зерна после расходования его на фураж, на семена стало недоставать даже на питание. А ведь надо было еще часть его продать, чтобы оплатить налоги, купить какой-то инвентарь, железо на поковки, стекло оконное, соль, ситцевое платье для дочери-невесты....

В такой ситуации общинники (то есть старожилы и причисленные уже переселенцы) сначала повысили плату за приписку к общине до двухсот рублей с семьи, а потом стали просто отказывать переселенцам в причислении к общине и выделении земельного пая. В деревнях сложился слой безземельных крестьян, в каждой по несколько десятков семей. В 1906 г. в Тальменской волости, например, уже насчитывалось 399 безземельных хозяйств, в Боровлянской - 366, это около 13% от общего количества всех проживавших здесь семей и до половины - от переселенческих.

Правительство, губернские и уездные власти делали попытки как-то регулировать расселение переселенческого потока. Несколько раз, начиная с 1865 г., устанавливались правила переселения крестьян. В начале XX века определялись и масштабы переселения. В Алтайском округе волости и общины поделили на малоземельные и многоземельные, переселенцев - на законных и незаконных. С учетом этих категорий решался вопрос о предоставлении льгот, о причислении к общине и выделении земельного пая. Некоторые селения объявлялись закрытыми для новоселов. Однако как переселенцы, так и сами власти нарушали установленные нормы и правила. Общинники, да и их представители в волостных правлениях, с некоторых пор стали всячески сопротивляться причислению переселенцев к общинам и наделению их земель. Кабинетским чиновникам, представлявшим в округе интересы царя, было, наоборот, выгодно, чтобы переселенческий поток продолжался: больше населения - больше поступлений от подушного налога, продажи леса и от сдачи удельной земли в аренду. Гонимые же нуждой новоселы часто ехали самовольно, надеясь, что земельный пай им все-таки дадут. Отсюда - неорганизованность переселенческого дела, как до реформы 1906 г., так и в ходе ее.

В порядке иллюстрации к сказанному покажем картину переселения в деревню Шишкину Тальменской волости. Здесь в конце XIX в. поселились и получили у общины приемные приговоры 14 семей из деревни Крапивки Нижегородской губернии и 10 семей из других мест. В результате земельные наделы шишкинских домохозяев оказались уже меньше установленной законом нормы. И когда в последующие четыре года сюда прибыло еще 16 крапивкинских семей, шишкинские мужики сочли возможным причислить к общине только четыре хозяйства. Остальным было отказано по разным предусмотренным законом причинам: не имеет тягла, живет на чужой усадьбе, имеет судимость и т.п. Тем не менее, в последовавшие, столыпинские уже, 1906-1910 годы в Шишкину прибыло еще 27 семей из той же Крапивки и соседней с ней деревни. Да до десятка семей переехало сюда из других волостей округа и из Барнаула. И всем им на просьбы о причислении сельским сходом был дан отказ. Десятки крестьянских хозяйств, из тех, что и помыслить себя не могли без земли, оказались безземельными, раскрестьяненными!

Почему уезжали люди из родных мест в наши, как оказалось, не очень уж приветливые края? В упоминавшуюся Шишкину большинство переселенцев прибыло из Лукояновского уезда Нижегородской губернии. Вот что писал именно об этом уезде большой русский писатель В.Г. Короленко: «Среди земельного простора целым деревням «некуда выгнать курчонка», ... этим пользуются, чтобы закабалить народ

арендами хуже, чем прежде крепостным правом, ... целые деревни вымирают от дурной болезни, ...малая девочка в Лукоянове просила у матери, чтобы та «зарыла ее в земельку»... Голодовки, довольно частые при крепостном праве, появились вновь, - сначала лишь частично, потом все шире и шире... Люди питались лебедой, ели даже кору... Самодержавие отнеслось к бедствию довольно беззаботно. Газетам было запрещено употреблять слово голод. Цензоры заменяли его словами «недород хлебов»... Лукояновские земские начальники указывали, что никакого голода в сущности нет, а если есть голодный тиф, то, говорили они, «ведь это у нас всегда». И это была страшная правда: ни голод, ни голодный тиф не выводились в узде в самые урожайные годы. Были целые деревни, у которых хлеба хватало только до середины зимы. А с января приходилось нищенствовать» (Короленко В.Г. «Земли! Земли!» - М., 1991, с. 7-8, 21-26 и другие). Здесь приведены далеко не все жесткие определения, которые дает Короленко. И не только Лукояновскому уезду, но и всей царской России. Добавлю еще, что слышал от Ивана Малого - Ивана Степановича Пергаева, прибывшего в Шишкину из Крапивки 15-летним: «Мы, ребята, наши родители и их отцы-матери жили в одной большой избе, без всяких перегородок. 14 человек».

До 1898 г. переселенцам не предоставлялось никаких льгот. Позднее установлен был, якобы, льготный железнодорожный проезд. Это при том, что ехали-то товарной скоростью, без расписания, в вагонах для скота. Огромные расстояния приходилось преодолевать на крестьянских подводах. Условия передвижения тяжело отражались на состоянии здоровья, часто подорванного еще на родине вследствие хронического недоедания и непосильного труда. Священнику приходилось за один раз провожать в могилу по несколько десятков мертвецов. Заболевали в дороге 25%, умирал из них каждый десятый. По дорогам нищенствовали. Бросали умерших детей. Бывало, что в пути умирали отец и мать, дети оставались беспризорными. Это - из книги профессора Томского университета В.В.Кириякова «Очерки по истории переселенческого движения в Сибирь». В архивном документе - картинка питания крестьян на переселенческом пункте, датированная 1907 г.: пища приготовлена из сгущенного молока, привезенного с места выселения, разведенного водой, с прибавлением сала, также вывезенного с родного места. Сильный запах гнили и прогорклости.... Второе блюдо из темно-серой капусты, опущенной в горячую воду, без всякой приправы. Мать ребенка, употреблявшего это кушанье, сказала: «Надо же как-нибудь кормиться» (ГАТО, ф. 25, оп. 8, д. 322, л. 73-74).

Бедствия переселенцев не заканчивались и по прибытии на место водворения. Упомянутый уже профессор Кирияков дает такую картину: «Скоро и прочно утрачивается меньшинство. Большинство же - «в состоянии неустойчивого равновесия», их благосостояние не выдерживает первой же голодовки (а они довольно часто стали посещать и Сибирь)». В 1910 г. крестьяне Ново-Егорьевской волости писали об условиях, сложившихся в результате переселения: «У нас нет ни одного селения, откуда народ не стремился бы бежать. Это ли не доказательство того, что жизненные условия наши тяжки». Давалась ссуда на обустройство. Но размер ее был значительно ниже фактических расходов. Тем, кто водворялся в старожильческие селения, ссуда выдавалась только «по выяснению потребностей» и не более половины от ссуды, выдаваемой селящимся в новых поселках. Здесь она составляла 100-150 рублей на двор. Фактическая же стоимость обустройства на новом месте обходилась в 250-500 рублей. Так называемых недостаточных переселенцев, у которых не доставало средств на обустройство, насчитывалось 70-80 процентов.

Врач, побывавший в семье переселенцев, где все больны, писал: «Землянка, в которой живет эта семья, ничем, впрочем, не отличающаяся от других переселенческих землянок, представляет из себя яму глубиной около 1,5 аршин, обложенную со всех сторон дерном... Вонь и сырость в этой землянке были настолько удручающими, что я не мог в ней оставаться больше 15 минут». В официальном отчете чиновника, статс-секретаря А.Н. Коломзина на 1 января 1901 г. пишется: «Бедственное положение многих новоселов... поистине ужасно, но еще тяжелее положение тех, которые не успели водвориться и приписаться к сельским обществам. Голодные, они

бродят и ищут какой бы то ни было работы, чтобы чем-нибудь накормить себя и свои семьи». Таким свидетельствам несть числа.

Представьте себе такую картину. Прослышав о свободном переселении на якобы пустующие алтайские земли, курские, черниговские, нижегородские, вятские и т.д. мужики, подгоняемые малоземельем и очередной голодовкой, наскоро распродав пожитки, со стариками и малыми детьми бросились в дальний неизведанный путь. На телегах, баржах, с конца XIX века - по новой Транссибирской железной дороге. Перебравшись на правую сторону Оби у Колыванска (это севернее нынешнего Новосибирска), конные поворачивали на юг. Вышедшие из товарных вагонов приобретали на последние деньги в ближних деревнях лошадей и повозку на 2-3 семьи, добирались до Чумыша. Здесь расходились по деревням и подсалялись к старожилам, к обосновавшимся ранее землякам. Жили в их амбарах, банях и слезно ходатайствовали о приписке и выделении земельного пая. И получали решительный отказ. Уехали от малоземелья, приехали к безземелью!

Оставалась надежда на запланированное еще в 1899 г. землеустройство. На Алтае оно проведено было уже при правлении Столыпина, в 1909-1911 гг. Землеустроительные комиссии создавались администрацией Кабинета, и главной их задачей была защита интересов собственника здешних земель - императора. Поэтому они прежде всего учли излишки угодий, превышавшие расчетную норму, и передали их в распоряжение Кабинета для сдачи в аренду. Таких отрезков набралось 657 тысяч десятин. Далее комиссии официально зафиксировали исторически сложившиеся грани между общинными землепользованиями и четко разграничили их с лесными, луговыми и водными пространствами, находившимися в непосредственном ведении Кабинета или казны. Иногда делались «уточнения», принудительные обмены отдельных участков, но всегда в пользу кабинетских имений и лесничеств. В передел земель внутри общин комиссии не вмешивались. Однако зафиксировали в официальных актах сложившееся уже крестьянское землепользование. В деревнях Усовой и соединившейся с ней позднее Шишкиной Тальменской волости 199 душ мужского пола так и остались без земельных наделов. Это из 565 проживавших здесь ко времени землеустройства. По всей волости было учтено причисленных к сельским общинам 2502 хозяйства, в том числе 1448 старожильческих и 1054 переселенческих. И не были причисленными 305 хозяйств. Это значило, что 305 семей (в их составе насчитывалось 1550 человек) оказались безземельными, раскрестьяненными. В целом по Барнаульскому уезду не получили земельных наделов около 100 тысяч душ.

Не удивительно, что в землеустроительную комиссию, в губернские и уездные органы власти последовал поток жалоб и прошений: «Мне приходится в настоящее время распродать домашность и уехать по пути крайнего разорения. Вследствие чего я прошу ВАШЕГО ВЫСОКОБЛАГОРОДИЯ приписать в среду крестьян, где я проживаю»; «Воспользовавшись свободой переселения, распродав на родине свои имущества, приехав в Сибирь, переселившись в означенную деревню, надеясь на будущую нарезку, обзавелись домашностью, что стоило немало трудов и материальных расходов. Если нам придется выселиться из этой деревни, то это для нас будет полным разорением и обнищанием.... Просим поместить нас в деревне Шишкиной с нарезкой земли. Согласны и на 6 десятин, нежели выехать разоренным». Далее список 102-х просителей. В следующем письме: «Осталась непричисленной... прошу вас как небесного бога и царя земного причислить к Усовой... я бедно сирота, дети малы». И еще десятки подобных криков души. На всех прошениях - резолюции: отказать, ходатайство отклонить, оставить без последствия (ЦХАФ АК 29, 1110, 26-46 об.).

В газете как-то прочитал: В нашем селе Новотроицке крестьяне до революции жили богато, имели по 20-30 коров и лошадей... Смотрю архивные документы 1910 г. Действительно, в деревне Безбожной, которую после постройки церкви стали называть селом Новотроицким, были крестьяне такого размаха. Дворов десятков. А остальные - десятки безлошадных, бескоровных, бездомных. Третья часть мужских душ не наделена землей. И те же прошения о земельных наделах со знакомыми уже резолюциями. Вот одно из них: «Из России мы совсем переселились, продали все, что

имели, а деньги израсходовали на прокормление своих семейств.... Так что, если отправиться назад в Россию, то и там толков не будет, потому что все продано и разорено. А поэтому нам опять приходится терпеть горе и нужду.... Осмеливаемся просить Ваше Высокоблагородие... наделите нас земельным наделом». Далее приводится список 25 мужиков. И знакомая резолюция: отказать.

В итоге землеустройства крестьянские земельные наделы не могли не уменьшиться. Теперь в среднем по округу они составляли 13,5 десятины на душу (для казаков, между прочим, до 30 десятин, правящая верхушка всегда их прикармливала). А главное - надежды безнадельных крестьян на землеустройство рухнули. На жалобы и прошения следовали резолюции с отказом.

Оказавшись в таком отчаянном положении, многие переселенцы возвращались на родину. В 1910-1911 годах, то есть сразу после землеустройства, из Алтайского округа вернулось к местам выхода больше половины от числа прибывших за эти два года. Всего же за время осуществления столыпинской реформы (1906-1914 гг.) в округ прибыло 806 тыс. человек, а вернулось обратно, обнищавшими и обозленными, 124,5 тыс. человек. Из тех, кто не вернулся, многие уходили на строительство Алтайской железной дороги, перебирались в ближние города, пополняя там ряды пролетариев. Те, кто не смог выехать, пошли батрачить к местным кулакам, занимались отхожими промыслами, иногда попросту нищенствовали. Лишь единицы из них, имевшие денежные запасы и сохранившие их в ходе переселения, сумели хозяйничать на арендованных землях.

Однако голод, разразившийся в Центральной России после засухи 1911 г., вновь поднял волну переселения. За последующие предвоенные годы население многих наших сел и деревень снова выросло в 1,5-2 раза. Земельные же фонды общин оставались неизменными. Значит, снова уменьшались земельные наделы приписанных хозяйств, множились ряды безнадельных. К 1917 г. доля безземельных хозяйств по сравнению с 1906 г. в Боровлянской волости выросла с 11,6 процента до 18,4, в Тальменской - с 15,2 до 25,1 процента. По губернии доля безземельных дворов выросла до 16 процентов. Эти подсчеты были сделаны уже после того, как одни возвратились на родину, другие разошлись по городам, по железнодорожным казармам. Соответственно уменьшались и размеры приходящихся на двор посевных площадей. Следствие этого - растущее безденежье и недоедание.

Таким образом, в 1906-1914 гг. переселение, это главное проявление столыпинской аграрной реформы в Алтайском округе, состоялось. Но достижения заданных правительством целей оно не обеспечило. Жизненный уровень основной массы крестьянского населения - и старожилов, и переселенцев - еще более понизился. А о явлении обратничества уже тогда говорилось: «Этот... поток... говорит нам о полном крахе правительственной переселенческой политики» (23,265).

Отметим здесь, что иногда применяемое сопоставление столыпинского переселения и привлечения молодежи на освоение целины в 1954-1955 гг. совершенно не корректно. Цели этих двух акций были различны. В начале века руководящим верхам страны было жизненно важно переселить как можно больше бунтующих крестьян из малоземельных мест. В ситуации 50-х годов эта задача отсутствовала. Главным здесь было освоить новые земли в условиях, когда аврально поступавшая техника не могла быть обеспечена контингентом местных механизаторов. Вполне логично, что в первом случае все имевшиеся силы и средства направлялись на переселение и закрепление крестьянских семей в полном их составе. Во втором же случае ставка делалась на легких на подъем молодых, бессемейных еще людей. Задача постоянного их закрепления на новых местах не ставилась.

Кратко о других аспектах проведения реформы на Алтае.

Машинизация крестьянского полеводства здесь началась еще задолго до Столыпина. То есть не по воле его, а в силу объективного научно-технического прогресса, идущего в мире, в меньшей мере - и в России. Завозились из европейских стран ручные веялки, конные молотилки, жатки. Если судить по рекламе того времени, то можно подумать, что вся алтайская деревня пересела на машины. Фактически же в 1917 году

на всю Боровлянскую волость (20 деревень) имелось лишь 12 сеялок, на Тальменскую (19 деревень) - 26, на Язовскую (10 деревень) - 5. На один плуг однолемешный приходилось 3-4 хозяйства, на жатвенную машину всех видов (сноповязалки, само-сброски, лобогрейки) - 8-10 хозяйств, на молотилку - до 50, на конные грабли - до 70. Средний хозяин не в состоянии был оплатить, скажем, сноповязалку, стоившую 200 рублей - таких денег он никогда не имел. В деревне Усовой, например, практически все машины (не считая простейших сох и борон) оказались сосредоточенными в тринадцати хозяйствах (из 91-го наличного). Остальные крестьяне (85 процентов) вынуждены были по-прежнему обрабатывать землю и заготавливать сено вручную или же нанимать машины у имущих односельчан. Обострялось, таким образом, социальное противостояние.

Известное распространение получил на Алтае такой признак капитализации сельскохозяйственного производства, как аренда земли. Но развития она тоже не получила. Рядовые крестьяне брали или сдавали в краткосрочную аренду чаще всего покосы. Например, десятину покоса на один год. Большее распространение аренда получила в среде переселенцев. По сельскохозяйственной переписи населения 1917 г. видно, что из 46 переселенческих хозяйств деревни Усовой 24 хозяйства брали землю в аренду (из тех, у которых в многолюдной семье было мало мужских душ, значит и мало земельных наделов, или у которых имелся достаточный капитал для ведения хозяйства с наймом рабочей силы). А семь хозяйств сдавали землю (те, у которых в семье было много мужских душ - стариков, детей - а работать было некому; или те, которые надела не получили, а деньги на аренду имели). Арендные сделки в то время обуславливались также наличием оставшихся после мобилизации на войну работников. Масштабные же арендные договора осуществлялись с участием немногочисленных сельских предпринимателей.

В работах историков последнего времени акцентируется внимание на значительное развитие в алтайской деревне начала XX в. маслоделия. Для крестьян оно имело значение прежде всего как возможность приобрести какие-то деньги за сданное на маслозавод молоко. Чтобы удовлетворять растущие расходы, они вынуждены были сдавать его, не оставляя, как свидетельствуют многочисленные источники тех лет, даже на питание семье и на выпойку телят. То есть в ущерб здоровью ближних и воспроизводству скота. Из Сибири в 1907-1908 гг. вывозилось по 3,3 миллиона пудов масла. Это 54 тысячи тонн. Для сравнения: в 1961-1985 гг. в одном только Алтайском крае государством ежегодно закупалось в среднем 1107 тысяч тонн молока, что в переводе на масло составляло около 45 тысяч тонн. При этом больше трети производимого в эти годы молока оставалось в колхозах и совхозах для внутреннего потребления. Личные же подсобные хозяйства продавали государству в эти годы молока менее одного процента от производимого.

Понятие маслозавод означало тогда примитивное техническое устройство для сепарирования молока на сливки и обрат и изготовление из сливок масла. Такие «заводы» обслуживались или только членами семьи заводоладельца, или с наймом одного-двух работников. Для рентабельности завода необходимо было наличие в зоне его досягаемости пешим ходом не менее 300 коров. Поэтому маслозаводы устраивались далеко не в каждом селении. Поскольку торговля маслом, тем более экспорт его, были выгодны не только заводчикам, но и купцам-посредникам и государственным структурам, власти всячески стимулировали маслоделие. В ведомстве Томской губернии в предвоенные годы содержался штат инструкторов маслоделия в тридцать-сорок человек (между прочим, в их числе бывала женщина - явление в то время очень заметное).

Значительное распространение получило в алтайских деревнях кооперирование крестьянских хозяйств. В большинстве своем это были кредитные, потребительские и сбытовые кооперативы, в редчайших случаях - производственные.

Уменьшение приходившихся на хозяйство или, точнее, на наличного едока посевных площадей вынудило наших предков отказываться от привычной переложной системы в зерновом производстве. Стала применяться залежнопаровая система, по-

том двухпольная. Однако о внесении удобрений, о правильных севооборотах, снегозадержании и о других хотя бы простейших агрономических приемах не было и речи. Крестьянам нужна была помощь специалистов. Но на всю Томскую губернию (тогда в нее входили территории нынешних Томской, Новосибирской, Кемеровской областей, Алтайского края и нескольких муниципальных образований Республики Казахстан) к 1914 г. имелось лишь четыре десятка агрономов, часто с начальной подготовкой. Да и занимались они в основном сбором статистических сведений, учетом потерь от стихийных бедствий, организацией благотворительности. Единственная на всю губернию сельхозшкола с несколькими десятками учащихся незадолго до войны была перемещена из-под Томска в наш Павловск, но дать нужных для региона специалистов она не успела.

Неудивительно, что конечные показатели полеводства и животноводства все более ухудшались. Урожайность зерновых свелась к 50 пудам (чуть больше 8 центнеров). Средние удои коров равнялись 40-45 пудам в год (около семисот килограммов). В журнале «Сибирское сельское хозяйство» № 3 за 1914 г. говорилось «Урожаи с каждым годом падают... Скот страшно мельчает. Телята, лишенные молока, забираемого маслозаводами, дохнут на 80% процентов от поносов... Несомненно близится кризис». В этом же журнале корреспондент из Тундрихи Залесовской волости писал: земли выпажаны, растет только сорняк, как бороться - не знаем. Весной 1914 г. Барнаульский уездный распорядительный комитет констатировал: земля истощается, площади крестьянского землепользования с каждым годом уменьшаются, урожаи падают, скот мельчает, хлеб низкого качества, не находит сбыта, местная порода скота ухудшилась, масло производится при самых плохих условиях, леса постепенно исчезают, денег на лесоразведение нет... Из сказанного делался вывод: «Оставаться при прежних формах и характере хозяйства значило бы сознательно идти к полному кризису в сельском хозяйстве» (233.6.4.49-52об.).

Очевидно снижение жизненного уровня трудового крестьянства Алтай. Причем, коснулось оно всех его слоев. В хозяйствах старожилов (это почти половина всех крестьянских домохозяйств Алтайской губернии, учтенных переписью 1917 года) сокращение главного источника их благополучия - земельных наделов - не было компенсировано ни механизацией, ни наукой. Ранние (1865-1905 гг.) переселенцы к концу реформы в общей своей массе с годами достигли незавидного уровня жизни рядовых старожилов. Переселенцы столыпинского времени, имевшие в местах выхода в среднем по 4,5 десятины, были рады, конечно, получению здесь десяти-двенадцати десятин. Но вплоть до двадцатых годов они так и оставались беднотой: земли, что выделялись им в старожильческих волостях и в необжитой Кулунде, были малопродуктивны, нуждались в больших вложениях труда и капиталов. Переселенцы, не получившие земельных наделов (а это в старожильческих селениях основная часть переселенцев столыпинского времени), и те, что вернулись, и те, что остались, понесли неисчислимы бедствия.

Так видятся глазами алтайских крестьян результаты столыпинской аграрной реформы. Добавим к сказанному еще несколько мыслей.

Да, реформа оказала большое влияние на развитие производительных сил Сибири, в том числе и Алтайского округа. Столыпинские переселенцы основали на Алтае около трех тысяч новых поселений, распахали заново сотни тысяч десятин пашни. Но переселение добавило в наших местах массу крестьянской бедноты, усилило дифференциацию и социальный раскол в алтайской деревне, раскрестьянивание значительной части сельских жителей.

Да, посевные площади в Алтайском округе с 1906 по 1914 гг. расширились на 84,5 процента, по Сибири - на 87 процентов. За счет этого скачка на 14 процентов выросли и посевные площади России в целом. Но в те же сроки валовые сборы хлеба в Сибири и на Алтае увеличились лишь на 66 процентов. То есть урожайность зерновых культур, интенсивность хлебного производства снизилась. А если учесть, что за эти же годы население Сибири и Алтайского округа увеличилось примерно в два раза, получится, что производство хлеба на душу населения (на едока) даже уменьшилось.

Да, расширилось применение машин в земледелии. Но это расширение при отсутствии ремонтной базы, при технической неграмотности пользователей, не обеспечило интенсификации сельского хозяйства, роста производительности труда крестьян.

Да, увеличилось поголовье скота и птицы, особенно коров. Но и здесь, в животноводстве, не произошло повышения качественных показателей - приплодов, надоев, привесов, настрига, яйценоскости. Производство продукции в расчете на душу населения уменьшилось.

Да, в Сибири, на Алтае выросла товарность сельскохозяйственного производства. Но росла она в одних случаях из великого стремления появившихся здесь латифундистов и перекупщиков к максимальным прибылям, в других же случаях - в силу обострения нужды крестьянства в деньгах на уплату налогов, на приобретение или наем машин, на арендную плату. Да и масштабы этой товарности не вызывают восторга. С пристаней равнинного Алтая (Барнаул, Бийск, Камень) за 1906-1910 гг. отправлено хлебных грузов за пределы округа 26,8 миллиона пудов, то есть около 88 тысяч тонн в среднем за год. Это столько же, сколько в 70-е годы прошлого века продавал государству один крупный район Алтайского края.

Многие из названных в начале статьи целей реформы не были достигнуты и в масштабах страны. Или достигнуты с исключаящими достижение оговорками. Революционный порыв крестьянской бедноты удалось успокоить. Но лишь на несколько лет. Слой «крепких», то есть кулацких, использовавших наемный труд хозяйств, в известной мере сложился. В том числе и на Алтае. Но обогащение этого слоя закономерно привело к умножению другого, значительно превосходящего по численности слоя батраков. Половину же крестьянской массы составляла беднота. Посевные площади страны в «столыпинское» десятилетие за счет распашки целины в Сибири и на севере Казахстана расширились на 14 процентов, а валовые сборы пшеницы - на 12, ржи - на 7,4, овса - на 6,6 процента. Производство же хлеба на душу жителей в связи с естественным приростом численности населения продолжало падать. Доля товарного хлеба увеличилась. В массе экспорта России хлеб тогда значил то же, что сейчас нефть. Но имея наибольшую численность сельского населения и самую большую долю его в общей массе жителей (в России - 77 процентов, в Канаде - 48, в США - 47, в Германии - 35, в Англии - 17), а также самые большие в мире посевные площади, Россия производила и экспортировала хлеба меньше Аргентины, Канады, США. А на душу населения Россия производила зерна почти вчетверо меньше Канады, втрое меньше Аргентины и вдвое - США.

Не произошло и обязательной для благополучия общества «перекачки зерна в мясо и молоко». По общей численности крупного рогатого скота, лошадей и свиней Россия уступала США почти в пять раз. По всем без исключения видам скота в России в 1906-1914 гг. наблюдалось сокращение поголовья. За 1911-1913 гг. общее поголовье скота уменьшилось со 188,6 миллиона голов до 173,3 миллиона. Для сравнения: в СССР к концу 1986 г., то есть до начала «перестроечных» экспериментов над селом - имелось 356,2 миллиона голов, в два раза больше. (Оговорюсь: сравнение здесь показателей СССР и царской России вполне правомерно, в Россию тогда входили Украина, Белоруссия, Казахстан, Прибалтика, Финляндия, Польша). В 1914 г. в России на 100 жителей (городских и сельских) приходилось 39 голов крупного рогатого скота, в Дании - 74, в США - 89, в Австрии - 225 (Памятная книжка Томской губернии на 1910 г. Приложения). То есть, в России нарушен был баланс земледелия и животноводства. В итоге снизился темп увеличения сельскохозяйственного производства в целом. В 1901-1905 гг. оно прирастало в среднем за год на 2,4 процента, а в 1909-1913 гг. - только на 1,4. Прирост продуктов питания отставал от прироста численности едоков. Уже через два года Первой мировой войны все запасы продовольствия были исчерпаны. В сентябре 1916 г. царское правительство ввело продразверстку - обязательную, насильственную сдачу крестьянами государству хлеба и мяса по ценам в три раза ниже вольных.

То же происходило и в других сферах жизнедеятельности страны. Да, в силу объективного развития производительных сил в России с конца XIX в., до Столыпина еще,

наконец-то, в хвосте Европы, стали делать паровозы, вагоны, корабли, строить железные дороги. Однако по добыче угля Россия уступала США более чем в 11 раз, нефти - более чем втрое, по выплавке стали - более чем в 7 раз, по протяженности железных дорог - более чем в 6 раз. И это - при наличии неизмеримо больших запасах природных богатств и при жесточайшей эксплуатации трудового народа. Промышленное производство России к исходу «столыпинского» десятилетия составило лишь 3 процента от общемирового (в СССР в середине 80-х годов прошлого века - 20 процентов). 76 процентов населения страны оставались неграмотными (в массе сельских жителей Алтая - 85 процентов). Половина призывавшихся в армию солдат и матросов не умели читать и писать. Как следствие - поражения в Крымской войне, в войне с Японией, катастрофа 1915 г. Ужасающая детская смертность. Средняя продолжительность жизни 32 года. (Е. Кострикова в «Правде» 28-31 октября 2010 г.).

А главное - не была устранена первопричина проведения аграрной реформы: революционный порыв крестьянских масс не был погашен. Выступления крестьян за передел помещичьей земли (а на Алтае - за передел кабинетской и казенной земли и за доступ крестьян к кабинетскому лесу) продолжались. Через десяток лет после начала аграрной реформы было свергнуто самодержавие. А вскоре совершилась социалистическая революция. В годы гражданской войны деревенская беднота, батрачество выступили за советскую власть. На Алтае партизанские армии и отряды красных формировались прежде всего из оставшихся безземельными мужиков и малоземельной бедноты.

Итожа хотя бы то, что здесь сказано, как не убедиться в правоте слов В.И. Ленина, которого сейчас очень не любят цитировать: «Правительство добилось только нового обострения и ухудшения положения крестьян и в России, и в Сибири» (23,265).

Тем не менее, через 75 лет после того, как оценки, сделанные статистиками, учеными, политиками, должностными лицами дореволюционного еще времени были основательно подзабыты, в сознание наших сограждан начал внедряться миф о Столыпине как величайшем реформаторе. А о столыпинской аграрной реформе - как образце аграрной политики и экономики для настоящего и далекого будущего.

С какой целью распространялся этот миф? Помню речь И.С. Силаева, премьер-министра правительства РСФСР при председателе Верховного Совета Б.Н. Ельцине: Столыпин - идеал правителя, столыпинская аграрная политика - образец для нас... Помню разразившийся с ходу хор «мастеров слова», сначала столичных, потом и местных: при Столыпине Россия пол-Европы кормила! До сих пор многими к месту и не к месту повторяется его красивейшая фраза «Нам не нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия»...

В целом утверждалось мнение, что была, де, преуспевающая страна, но явились большевики и за германские деньги угробили ее... Как известно, многие в это поверили и пошли повторять на всех перекрестках услышанную и прочитанную весть, не заботясь о ее истинности: так хотелось выглядеть «продвинутым»! Столыпин стал кумиром «демократической» интеллигенции, всегда нуждающейся в кумирах и постоянно их взыскующей. Прогрессивная для своего времени линия премьера Столыпина на создание основанных на частной собственности мелких крестьянских хозяйств через столетие превратилась в свою противоположность: изменившийся коренным образом уровень развития средств производства сделал мелкое крестьянское хозяйство нерентабельным, архаичным. Суть новой «реформы» либеральные политики видят в переходе к рыночным отношениям в экономике, выходе крестьян из общин-колхозов, в превращении основных средств производства, прежде всего земли, в частную собственность.

Ясно, что за спиной творящих миф о Столыпине стояли люди, кровно заинтересованные в достижении своих личных целей: овладеть общенародными материальными и культурными ценностями, властью, славой. Вполне естественно, что их личные интересы были использованы силами, правящими сегодня половиной мира. В борьбе за свои цели эти силы использовали разное оружие, но прежде всего идеологическое: надо было убедить нужную часть народа в том, что разворот нашей страны

в капиталистическое прошлое принесет людям благо. А нашим ближайшим прошлым тогда было столыпинское десятилетие. Отсюда - миф о Столыпине и его реформе.

После принятия предложенных П.А. Столыпиным аграрных реформ и начала их осуществления прошло 105 лет. За эти годы нам, гражданам России, жизнь дала десятилетний опыт деятельности мощной государственной машины по преобразованию российской деревни на новый для нее капиталистический лад. Мы видим двадцатилетний опыт попытки возврата российской деревни в прошлое, и видим, что с ней происходит сегодня.

Сравните последнее десятилетие дореволюционного прошлого нашей истории, связанное с именем П.А. Столыпина (1906-1915 гг.) с любым десятилетием советской эпохи (исключая годы войны и «перестройки»): 1921-1930, 1931-1940, 1946-1955, 1956-1965, 1966-1975, 1976-1985 гг. А потом и с любым из двух последних десятилетий российской истории. Сравните и обдумайте полученный от сравнения результат.

Единственным достижением либеральной экономической политики на территории Шишкинского сельсовета стало частное предприятие «Русский дом». Человек из соседней области, имевший так называемый первоначальный капитал, обосновал в Язово нечто вроде дома отдыха или гостиницы для туристов.

За пятнадцать лет были разрушены почти все животноводческие помещения. Исчезли пилорамы. Из МТМ вывезли все станки, все металлическое, остались только стены. На мехтоку ликвидированы все зерноперерабатывающие механизмы, жилые и бытовые помещения.

В деревнях все больше стало появляться домов с заколоченными или, наоборот, зияющими пустотой окнами, заросших бурьяном огородов. Правда, в деревнях после распада СССР поселилось несколько крестьянских семей из Казахстана и Киргизии. Потом появились невесты откуда люди, мало подготовленные к трудовой сельской жизни. Но они никак не возместили мощный поток выехавших в поисках работы старожилов. Численность населения деревень за пятнадцать лет уменьшилась на 19 процентов. На пятую часть.

За 20 последних лет производство зерновых и крупяных культур, сахарной свеклы, кукурузы, сеяных трав на территории Шишкинского сельсовета (11 тыс. га сельхозугодий, в том числе 4,5 тыс. га пашни) прекратилось полностью. Поголовье крупного рогатого скота, находящегося в личной собственности жителей, уменьшилось в 2,8 раза, в том числе коров - в 2,3 раза. Свиной стало меньше в 2 раза, овец - в 1,3 раза. Если же вспомнить, что на той же территории людьми из тех же деревень до горбачевских экспериментов над селом поголовье крупного рогатого скота во всех категориях хозяйств доходило до 4 тыс. голов, а численность коров - до 1200, то получится, что шишкинские сельхозгодья, составляющие 6 процентов от угодий всего Тальменского района, обеднели на крупный рогатый скот в 18 раз, а на коров - в 11 раз. Третья часть площади приусадебных огородов заброшена. Произведенные в результате свободного ручного труда картошка, овощи, мясо, молоко, а также собранные в окрестностях грибы-ягоды сбываются лишь случайным оптовикам-перекупщикам за назначенную ими цену. Ближайший рынок (переработчики и базар) - за 40-50 километров. В самих же деревнях не стало никаких перерабатывающих производств, никаких заготовительных пунктов. А ведь все это было в «беспаспортном колхозном рабстве»!

На три деревни в последние годы действуют две школы - средняя и основная (девятилетка). Последняя к предстоящему учебному году будет «оптимизирована» до начальной. В средней сейчас 39 учеников на 11 классов. Ее оканчивают уже далеко не все подростки. После средней учатся единицы. Да и зачем? В ЛПХ можно работать и безграмотному. То же и на снова входящих в быт отхожих промыслах. Побывавший недавно на встрече однокурсников бывший агроном поведал: «Оказывается, по специальности почти никто не работает». На четыре сельских совета - один ветеринарный фельдшер. Бывшие колхозные агроспециалисты сейчас работают в городе шоферами, продавцами, клерками. Модернизация, однако...

О газификации деревень, удаленных от пересекающей район магистрали, речи нет. Правда, раз в две недели в деревни завозят газ в баллонах. Водопровод, пост-

роенный в советские годы, действует, хотя летом, в пору массового полива огородов, воды уже недостает. Люди со страхом думают: а если водопровод выйдет из строя? Колодцы-то давно уже порушены... Электричество продолжает поступать, но со все более продолжительными и непредсказуемыми перерывами. Расчеты на вошедшие в быт холодильники, стиральные машины, телевизоры становятся призрачными. Уличного освещения давно уже нет. О каком-либо центральном отоплении нет и речи. Из далекого Кузбасса и близких лесных мест вольные промысловики завозят уголь, дрова.

Телефонная связь, слава богу, сохранилась. Больше того. Именно в средствах общения из всего сущего на селе за последние 20 лет произошел научно-технический рывок - вошли было в быт и стали модой мобильные телефончики. Но вскоре где-то что-то упало, и теперь в деревню никто уже дозвониться не может. Деревенский же люд, чтобы связаться с городскими родичами, должен, рискуя членовредительством, взбираться на уродливый выступ школьного здания или же взойти на единственный в деревне заветный бугорок.

Жители деревень вынуждены все чаще ездить в райцентр. Заставляет матерюющая бюрократия. Чтобы оформить, например, завещанное родителями наследство, отпрыск должен потратить на поездки к нотариусу, во множество других учреждений, иногда и в суд, не менее года. А каких-то 20 лет назад все решалось за одно посещение сельского совета. Надо также ездить в больницу, телефонные, электрические ведомства, в поликлиники и аптеки. Последний автобус уходит из райцентра в полдень - что успеешь сделать за это время?

Мне скажут: но ведь есть же в крае, да и в Тальменском районе, села со вставшими на ноги фермерскими и кооперативными хозяйствами, со строящимися производственными и социальными объектами! Да, есть. По одному-два на район. Однако такие села - исключение. Большинство же населенных пунктов, как и деревни Шишкинского сельсовета, живут по общему правилу - по наклонной. Посмотрите: за годы либеральных реформ с карты страны исчезли 30 тысяч сел и деревень. Курс на фермеризацию провалился: то, что было разумным сто лет назад, при нынешнем уровне производительных сил стало глупостью. Численность занятых в сельском хозяйстве работников уменьшилась почти на половину. Из севооборотов выведено около 40 млн га пашни. Почвы деградируют. поголовье крупного рогатого скота упало за годы «реформ» с 57 млн голов до 21 млн., в том числе коров - с 20 до 9 млн. Объем производства сельхозпродукции уменьшился в 2 раза. Мясо, молоко, сливочное масло, рыбу Россия завозит из-за рубежа, из той же Европы, которую наши «демократы» брались накормить. Более 10 процентов россиян голодают, 20 процентов недоедают. Во имя чего? Да, в первой половине 30-х годов прошлого столетия нашему крестьянству пришлось не сладко. У него брали больше, чем давали ему. Но за счет этого для него же, крестьянина, в стране было создано производство тракторов, комбайнов, удобрений, всего необходимого для того, чтобы сельский труженик почувствовал себя равным среди других, увидел светлые перспективы и достиг их. А сегодня - что впереди?

Сегодня сельскохозяйственным трудом занято не более двадцати процентов жителей села. В их общей массе - и работодатели, и наемные работники, и владельцы капитала, и неимущие, и государственные служащие, и колхозники, и члены всевозможных кооперативных объединений, и пенсионеры, и безработные, и работающие вахтовым методом... У каждого свои интересы, каждый по-своему оценивает прошлое и настоящее. И пока не будет четкой и ясной государственной программы модернизации каждого нашего села, деревенскому человеку никогда не выбраться из той ямы, в которую его опустили либеральные реформаторы.